

1990. — Сентябрь. 10

Юбилей Андрея Петрова подкрался коварно, неожиданно. Неужели в самом деле 60? Ведь не так давно в отчетах он значился молодым композитором. Затем был молодым руководителем Ленинградской организации Союза композиторов РСФСР...

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО...

Пути творческие и пути господни неисповедимы. Кто знает, как рождается музыка, что является первоотчетником в ее явлении в мир наш грешный. И когда умные музыковеды с предельной точностью, словно в детективном романе Юлиана Семенова об Исаеве — Штирлице, пытаются зафиксировать: то-то свершилось второго сентября, в воскресенье, в 17 часов 33 минуты, допустим, я всегда воспринимаю это с долей профессионального цинизма.

Никогда не выпытывал у Андрея Петрова, как рождается музыка, как и когда возник замысел, как оформлялся... Хотя и знаю, как он мучился, сбегав с глаз долой, оставив на время общественно-профессиональную работу председателя правления Союза композиторов Ленинграда, чтобы сочинить свое знаменитое и, думаю, лучшее на сию пору произведение — «Мастер и Маргарита». Создание произведения такого высокого класса (композитор выдвигался даже на соискание Ленинской премии, да настала пора резко сократить их количество) не терпело суеты, ежедневной маяти, на что по существу обречен в своей наипочтеннейшей и распроклятой должности Андрей Павлович. На посту этом он бесценно двадцать шесть лет из своих шестидесяти. И кто знает, что и как бы он написал, чем бы нас порадовал, удивил бы, не занимая этого кресла, не организуй (вместе с друзьями, коллегами) споро и яростно музыкальные фестивали — «Ленинградская музыкальная весна», «Белые ночи», нынешний детский имени П. И. Чайковского, наконец, авторитетнейший

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

международный (в позапрошлом году), который заложил надежные традиции.

Казалось, мы хорошо знаем творчество Андрея Петрова, автора самобытных оперных действ «Петра I», балета «Пушкин», многих симфонических и камерных произведений, популярных песен, сошедших с экрана и живущих рядом с нами своей особенной радостной жизнью, но именно оркестровое исполнение «Мастера и Маргариты», затем балетная интерпретация Борисом Эйфманом заставила музыкальную общественность говорить о новом уровне мышления и языке композитора. На Ленинградском международном фестивале я особо глубоко осознал, как органична личность Андрея Петрова — музыкального и общественного деятеля. И, будучи его доверенным лицом на выборах в народные депутаты СССР, был уверен, что, избирайся он не на льготных условиях по линии Союза композиторов, а на общих в упорной, конкурентной борьбе, — все равно победил бы. Конечно, сыграла бы неслыханная популярность композитора. И если публика не слышала симфонию-фантазию «Мастер и Маргарита», то песни-то из кинофильмов Эльдара Рязанова «Гараж», «Служебный роман» у всех на слуху. Тогда еще вышла на экраны «Забятая мелодия для флейты» и звучали цыганские романсы из «Жестокое романса».

И все же популярность популярностью, это, конечно, важно, но

люди голосуют не за популярность композитора, хотя есть и такие. У Андрея Петрова была на редкость целостная и честная предвыборная программа. Свернуть горы, все перестроить и облагодетельствовать народ в одночасье он не обещал — он ратовал за духовное возрождение нации, всемерное поощрение культуры и считал, что эта задача отнюдь не только деятелей культуры. Мысли его созвучны знаменитому выступлению академика Д. С. Лихачева на первом Съезде народных депутатов СССР, недавнему открытому письму деятелей культуры Президиуму СССР, Верховному Совету СССР, в котором они, отчаявшись, пытаются убедить власть имущих сохранить культуру, художественные ценности, способность человека удержаться от нищенского духовного прозябания.

Сожалею, что Андрей Павлович в свое время не нашел солидной трибуны, чтобы мысли эти высказать лично. Да что говорить после Лихачева! Важно, что Андрей Петров в ежедневной деятельности силится чего-то обязательно добиться. И слава Богу, что он не митингует, не красуется на трибунах и телеэкранах, не разоблачает, не клеймит. Это не в его характере, и, право, не стоит изменять себе, как это сделали иные нынешние лидеры, кто в годы застоя не блистал особой смелостью.

Я не знаю, какие законы — музыкальные ли, общественные, духовные — срабатывают, чтобы лучшие пес-

ни о Москве написаны были ленинградцами. Знаменитая мелодия «Не слышны в саду даже шорохи» — Василием Соловьевым-Седым, во многом учителем А. Петрова. Озорная романтическая, наполненная юношеской удалью «Я иду, шагаю по Москве» — Андреем Петровым. С этими песнями мы прошагали и по Москве, и по Ленинграду, по городам и весям всей страны. Однако ни тот, ни другой композиторы ничего запоминающегося не написали о Ленинграде.

Вместе с тем Андрей Петров — удивительно ленинградский по духу композитор. И трудно себе представить музыкальную культуру города без его имени. Ну отчего же именно ленинградец пишет музыку на тему исконно московского романа «Мастер и Маргарита» москвича Мих. Булгакова? Не потому ли, что дух Гоголя витает в Петербурге и за каждым углом — чертовщина и наваждение. И дух этот закрался даже, казалось бы, в классически прозрачную музыку оперно-балетного действия «Пушкин», поставленного ленинградским дирижером Ю. Темиркановым и московскими балетмейстерами Н. Касаткиной и В. Васильевым в Кировском театре. Произведение это по времени «крутого» застоя можно считать вполне новаторским. Наша казенная сцена решила синтезировать высокий уровень музыкальной, балетной и оперной культур, получив редкое жанровое образование.

Явлением в театральной жизни называлась и опера А. Петрова «Петр I», также шедшая в Кировском театре. Андрей Павлович был увлечен этой оперой, и, представляю, какие радостные чувства он испытывал, когда из окна своей квартиры рассматривал первый рубленый в Петербурге домик Петра, а через Неву в Летнем саду — небольшой, скромный дворец царя. Не знаю, кто — архитектор ли, чиновник, — но очень удачно выбрал на Петровской набережной место для дома, в котором поселили видных артистов, режиссеров, художников, композиторов, музыкантов... Дом этот в народе прозвали «дворянским гнездом»: в нем гнездились-ютились в сравнительно скромных квартирах отзывчивые люди. Хотя они и живут рядышком с домиком Петра Великого, но — кто умный! — понимают (а с годами все отчетливее), что царь далеко, а Бог высоко.

...А. Петров на Бога не надеялся и сам не плошал. Так и жил — творил, рассчитывая на свои силы, свой талант, помощь друзей, на верных товарищей. Старался не молчать, не бежать вперед прогресса, но и от него не отставать. Рок он никогда (вопреки молве) не запрещал, правда, особого восторга от «металла» и не испытывал. Но не стал и «перестраиваться», заигрывать с музыкальной молодежью. В конце концов у каждого свои пути-дороги, у каждого своя судьба.

Судьба дала А. Петрову божий дар композитора, острый ум аналитика. Он воспитал в себе необыкновенную работоспособность и высокие художественные критерии. Поклоняется Мусоргскому и Чайковскому, Моцарту и Малеру, Прокофьеву и Шостаковичу. У каждого должна быть своя вера, свои заветные иконы. Менять их в 60 — поздно и не нужно. Иное дело — открытость художественного стиля, восприимчивость к новациям и талантливым мгновениям композиторов иных художественных систем.

Таков характер у А. Петрова, человека доброжелательного и открытого. Такова его музыка.

Вит. ПОТЕМКИН.

ЛЕНИНГРАД.

Фото В. Плотникова.